

Дня за два до кончины сессии Иван ждал, чтобы сдать начерталку. В чертёжной сидела студентка с его курса, Анна, лет двадцать-двадцать пять. Она отличалась тем, что не меняла с ежедневной спешкой наряды, её одежда не была в глаза, словно китайские свечи-зажигалки.

В движениях сквозила лёгкость, казавшаяся тренированной. Эта лёгкость отгораживала Анну барьером, переступить который нелегко и, наверное, невозможно. Как охранное биополе лунной посланницы.

А скорей всего, то было врождённое барство.

Водилась с двумя-тремя москвичками, чешучато-фирменными. Злословили, что они из профессорских и бандитских кланов.

— Господи, люди уже курсовой сдают, а я несчастную аксонометрию всё не осилю.

Иван обернулся: девчонка с любопытством заглядывала через плечо.

Он избегал её, давно почуяв, что Анна ему нравится недосыгаемостью, отточенными манерами. На лекциях садился ближе к заднему ряду, чтобы видеть идеально чёрную, с отливом, как дорогой бархат, стрижку.

Анна рассматривала Иванов чертёж со странным интересом, словно то была картинка из глянцевого журнала, какого-нибудь их «Космополитена». Вдохнула:

— Ваня, ты играешь, а не учишься. А я мучаюсь. Эта начерталка, сопромат, эти крутящие-вертящие моменты...

Иван склонился на чертёж в холёных руках Анны. Присвистнул — свист вышел уличный, нагловатый.

— Это, по-твоему, аксонометрия? Ты же оси неверно разметила.

— Как?

Анна расширила и без того большие, волоокие глаза, беспомощно (и красиво) опустила на стул.

— Дай-ка.

Взяв в ладонь четыре кнопки, он, как фокусник-выжига, одним круговым движением прищипнул к доске чистый лист двенадцатого формата.

— Полчаса посидишь молча? Не из тех, кого вечно надо развлекать?

Анна взглянула будто впервые; уголки резных, чуть выпуклых губ дрогнули. Иван быстро снял размеры, перенёс на ватман. Циркуль выдавал балетные антраша, Анна смотрела, близко наклонясь. Сочился еле уловимый запах неведомых духов, мягких, словно дуновение майского вечернего ветерка.

Минут через двадцать построил последнее сопряжение:

— Готово. Дай твёрдо-мягкий. Подала изящный карандаш, тоже как будто пахнувший. Иван качнул головой.

— Кто тебе карандаши чинит? Для обводки надо лопаточку делать, а не заострять. Это ж не кисточка для ресниц.

Анна весело отстранилась: — Какой, однако! Отличнику положено быть сговорчивым да тихим, а ты дерзостей норовишь наговорить.

Да, Иван язвил — в инстинкт, в защиту от этой великосветской москвички, пугающе нравящейся каждым движением. Он стал мол-

ча, даже чуть насупленно, обводить чертёж.

Прижав кончик языка, Иван вершил дело... Над ухом чистым тонким фонтанчиком прыснул короткий смех.

— Ты милый, — шепнула Анна и положила длинные воздушные пальцы ему на руку.

Вошел чертёжник, кисло просмотрел их ватманы, сверил кой-какие размеры и принял обе работы — равнодушно, как ломбардный оценщик принимает привычно дешёвые перстенята.

Гремящую с заморским тщанием Москву накрывали плотные и приглушённые русские сумерки. Около метро, этой мешанины из рекламы и людей — мешанины сухой, сыпучей, будто быстрорастворимая вермишель из яркого, но дешёвого пакетика, они остановились.

— Не спешишь? — спросила Анна. — Может, тогда проводишь? Я близко живу.

Утром отправился на последние чтения. Сел сзади, окинул аудиторию беглым взглядом карманника-щипача. Анны не было.

Она явилась перед самой лекцией, и у Ивана чуть заглохнуло внутри — как от глотка морозного вина.

Анна ожидающе обвела всех взглядом и, вспыхнув улыбкой, подошла и тихо, будто заговорщица, села.

Лекция была по электротехнике. Иван механически срисовывал схемы, впервые не вникая в суть; Анна и вовсе не пыталась писать; сразу запутавшись в формулах, малевала мелкие прыгучие квадратики. Иван покосился на неё.

— Я тебя расхолаживаю? — тотчас, с готовностью, шепнула она.

Глаза смеялись — огромные, лунные, с поволокой.

«Ты истинная студентка», — черкнул Иван на обрывке.

Она быстро забрала листок, прочла, прикрыла горячей ладошкой от чьего-то любопытного взгляда.

Пока читала, Иван смотрел сбоку. Впервые так близко видел он её

подчёркнутая жадность, с какой Анна ловила каждое слово Ивана... Он улыбался, а она видела улыбку и светилась, нетерпеливо покусывала поленькие губы-зефиринки, прося новых фраз.

— Усвоила, что последовательное соединение лучше параллельного. Оно честнее.

Повисла небольшая пауза; они смотрели глаза в глаза и чувствовали, как их захлёстывает могучая и сумасшедшая волна сближения.

В раздале, пустой и обмызванной банкой, Иван замешкался, не решаясь помочь Анне одеться.

— Помогите, пожалуйста, — доверительно и просто сказала Анна.

И Иван с удовольствием сжал пушистые ворсинки шубки, мягко накинута на податливые плечи, испытывая лёгкость и весёлое блаженство.

На площади громоздили высокую железно-зелёную ёлку, цепляли надувного и довольного, что завоевал Москву, Санта-Клауса.

Медленно, как две опьянённые виноградной улитки, двинулись, выбирая переулочки без дыма и авто.

— Ты знаешь, Ваня, — сказала Анна, — я ведь понимаю, кем выгляжу перед тобой... Я вправду не понимаю, чему учусь. Я ведь на зло поступила сюда! Родственникам, семейке своей... Глаза её сузились, губы болезненно скривились и в уголках приподнялись, на мгновение обнажив великолепно белоснежный оскаль.

— Не смотри. Я некрасивая, когда злюсь. Она поправила модный картузик с двумя продуманно усаженными на нём блёстками, убрала под него выбившуюся чёрную прядь.

— Думала: кончу технический вуз, пойду на производство. Дико по нынешним дням, демарш. Но поверь, меня даже в это банкирское время влекут люди твоего круга. Кажется, что у вас со старых времён нет неправды. Есть грубость, есть сермяжность, но нет неправды.

Умолкла. Иван не сразу откликнулся. Москва штормовито ворчала за большими домами.

— Значит, кажусь сермяжным?

— Знаешь — нет. Это и удивляет.

— Просто судишь о нас по жюковскому водопроводчику и коммунальной реформе.

Анна засмеялась; коротко и тонко, будто светлячок из мультлика. От её злости не осталось следа.

Поспешно вынула миниатюрную записную книжечку. Выдернула бледно-розовый листок. У неё всё было вот такое — изысканно цветное, сдержанно душистое, порывисто искреннее.

— Возьми мой домашний телефон. А вот сотовый. Позвони когда-нибудь, ладно?

Нырнули в метро, неостановимо шепчущее мёртвым вентиляторным своим ветром. Анна спрашивала Ивана вздохом, будто хотела вычерпать до дна; прочесть всю его жизнь до строки, до самого последнего и главного вопросительного знака.

В конце концов спохватилась.

— Тебе же надо ещё гостинцев сыну купить.

В сердце шевельнулась грусть; слабая и неприятная, как червячок бабочки-лимонницы.

Встали. Анна улыбнулась, и улыбка вышла тревожной, почти испуганной — такой он ещё у неё не видел.

— Пока... Ты позвони, Ваня, обязательно. Хорошо?

— Хорошо, Аня.

Он впервые за эти два волшебных дня назвал её по имени.

ИРИНА СЕМЁНОВА

***

Бывает час: над городом холмистым Небесный свод слегка полуоткрыт. Мираж земли в тумане синем-мглистом Вот-вот сейчас куда-то улетит. Заходит солнце смутно и нескоро, Но у Творца незримого в руках, Смотри: виденье легкое собора Уже парит в лиловых облаках! И мнится мне в усталости стихии, Когда прозрачен времени покров, Что в небеса возносится Россия, Как тайна тайн и высший из миров.

***

Ну что с того, что легкая влюбленность Мне разбавляла скуку знойных дней! Во всем уже сквозила обреченность, Вселяя страх беспечностью своей. Парил орел и плавилась каменья. Кофейный дух дышал из-за угла, И лунных волн дневное привиденье Являлось вдруг, когда я не ждала. В приливах вод, в шумах стихии дерзких, В глазах друзей, в пожатых нервных рук Я различала отзвук гроз имперских И запустенья безъязыкий звук. Но страшных звезд недвижные орбиты И рев, что ночью сам Нептун исторг, И олеандра привкус ядовитый — Все вызывало гибельный восторг. Здесь все, казалось, жаждало отравы! Пошли дожди, и стало больше змей. Ложились ночь на грозный лик державы, Свершив пролог трагедии над ней.

ЮРИЙ ОНОПРИЕНКО

Птица счастья моя, несчастливая

Отрывок из повести

Она забрасывала вопросами, говорила ласково-виновно:

— Так бесцеремонно завладела тобой... Слышала, как отвечаешь на экзамене. Говорили, ты слесарь, я не верила. И сейчас с трудом верю.

Ивана чуть жигануло — будто шильце серебряное вошло и вышло под точной рукой иглоукалывателя.

— Ага, это, значит, у тебя вроде ооновского эксперимента в Африке...

— Я не то хотела сказать. Просто с тобой интересно.

У Садового, со всех уличных боконшек смертельно забитого автопробками, Анна кивнула на старинное здание:

— Вот, пришли. Видишь четыре окна в третьем этаже?

Указала светлые, длинные, как в готической молельне, пятна окон; медленно опустила руку. И изменившимся голосом произнесла:

— Боже, как не хочу идти в этот дом!

Иван побрёл по сиреневым улицам. Сбивая столичный смог, сыпал задумчивый снег; снежинки-хлопья летели, а их тени под фонарями ползли. И это было дивно: снежинки летят, а тени ползут.

Хрупкое и ускользающе-непонятное, как тот чудный запах, что слабо струился от волос Анны, когда сидели за чертёжной доской.

точёный нос, влажно раздвинувшись в улыбке нервный рот и распахнутые глубокие глаза, жадно изучающие записку.

Стремительно повернулась; Иван не успел отвести взгляд. Её зрачки были темны, как полынья.

Слайка взглядов держалась дольше, чем разрешено правилами обывательского хорошего тона, и Иван ощутил, что сейчас рухнула какая-то граница, сдвинулись их отношения.

Впрочем, было ль до того что-нибудь, что называлось их отношениями?

Чтения кончились, и наскоро пожмая руки, курсовики разметались по домам и вокзалам. Анна медленно укладывала в сумку бумаги. Записку ожидающе-задумчиво подержала в руках.

— Усвоила что-нибудь электротехническое? — чувствуя горчащий миг расставанья, спросил Иван.

— Ага, — подалась к нему Анна. Сказала это «ага» с нажимом на взрывное «г», давшим оттенок шаловливой радости. Да, тот обычный барьер, который более или менее зримо разделяет всех, между ними и впрямь был снят.

И они теперь близки; со своими тайнами, лишь им понятными шутками; с движениями только друг для друга, в удовольствие только им, только им!

Вот и эта по-детски радостная,